

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

УДК 338.001.36

О. А. Козлова, Е. Х. Тухтарова

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ «ПОТРЕБЛЕНИЕ — СБЕРЕЖЕНИЕ» В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ¹

В условиях острой нехватки инвестиционных ресурсов в современной российской экономике особую практическую значимость приобретают вопросы анализа социально-экономической природы сбережений населения как одного из важнейших источников внутренних инвестиций и оценки влияния внешних и внутренних факторов на процессы образования населением фондов накопления и потребления. В статье проводится анализ воздействия факторов внешней среды на механизм взаимосвязи «потребление — сбережение» на примере Уральского федерального округа за период 2001–2012 гг. Значительное внимание уделено анализу влияния инфляционной составляющей в экономике региона и процентной ставки по депозитам на динамику нормы сбережений населения, выступающей в качестве индикатора уровня жизни и источника наращивания инвестиционного потенциала населения. Сформулирован вывод о том, что факторы, оказывающие влияние на перераспределение денежных доходов населения на потребление и сбережение в пользу сбережений, зависят не только от социально-экономического развития общества, инфляционных ожиданий населения, но и от условий аккумуляции сбережений населения банковской сферой.

Ключевые слова: потребление, сбережение, располагаемые доходы населения, цикличность экономического развития, инфляция, инвестиционный потенциал

Социально-экономический потенциал домашних хозяйств и эффективность его реализации становятся все более значимы в современной экономике российских регионов. Экономическая практика свидетельствует о том, что достигшие успехов развивающиеся страны добивались значительных инвестиций на основе высокой нормы внутренних сбережений, подтверждая тот факт, что сбережения населения являются не только одним из важнейших критериев оценки уровня жизни, но и мощным инвестиционным ресурсом экономики.

Важно отметить, что мировая практика свидетельствует, что сбережения населения в минимальной степени подвержены влиянию внешних факторов, вызванных политическими или глобализационно-экономическими проблемами. К примеру, в период кризисов на внутреннем и мировом рынке происходит бегство иностранного капитала, тогда как инвестиции, привлеченные внутри экономики, не подвержены такому влиянию, следовательно,

уменьшается зависимость от иностранного, особенно спекулятивного капитала.

При этом задача государства — не только создать благоприятные условия по привлечению сбережений населения, но сформировать доверие со стороны населения к проводимой политике по привлечению денежных средств домохозяйств.

До начала 90-х гг. исследований по проблемам механизма взаимосвязи «потребление — сбережение» как основного фактора аккумуляции внутренних резервов развития в экономике в отечественной научной литературе не проводилось.

Одним из первых исследований сберегательного поведения россиян стала работа «Методика оценки финансового потенциала населения и возможности использования накоплений в инвестиционных целях», выполненная Институтом экономики РАН в 1995 г. [12]. Авторы исследования попытались оценить сберегательный потенциал в различных доходных группах домохозяйств. В результате исследования аналитики констатировали, что в экономике наблюдается широкое рассло-

¹ ©Козлова О. А., Тухтарова Е. Х. Текст. 2014.

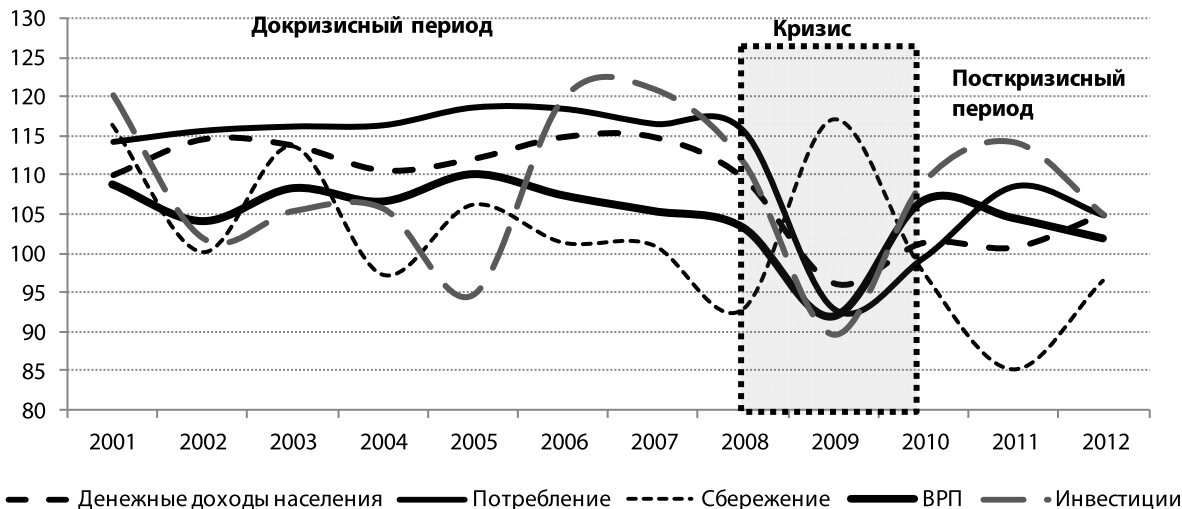

Рис. 1. Динамика реальных располагаемых денежных доходов, потребления и сбережения домохозяйств, ВРП и инвестиции в УрФО за 2001–2012 гг., % (составлено по данным [15])

ние общества, а сберегательным потенциалом, который может быть трансформирован в инвестиции, обладают лишь высокодоходные группы населения. При этом российские исследователи пришли к выводу, что высокая дифференциация по доходам среди населения как следствие неэффективности социальной политики является препятствием для устойчивого инвестиционного ресурса.

Так, по данным этого же исследования норма сбережений россиян в 90-х годах составляла 25–26 %, и, что характерно, огромная часть этих сбережений вращалась вне финансовых институтов. Такая высокая норма сбережений в период спада производства на фоне галопирующей инфляции, объяснялась также отсутствием стабильности в обществе и необходимостью делать накопления на черный день [12].

Проблема формирования инвестиционного потенциала населения рассматривается в исследовании И. Погосова. Автор сделал попытку оценить упущенную возможность трансформации сбережений населения в инвестиции. Так, по его оценкам, проведенным на основе данных СНС за 2005 г., неиспользованные сбережения домашних хозяйства составляли около 0,8 трлн руб., тогда как в государственном секторе этот показатель был на уровне 2,1 трлн руб., а в корпоративном секторе — лишь 17 млрд руб. [14]. То есть значительная часть сбережений (28 %), имеющихся в экономике, по итогам 2005 г., приходилась на сектор домохозяйств.

В значительной части многочисленных публикаций по проблеме потребительского и сберегательного поведения домохозяйств рассматриваются процессы, идущие на макроу-

ровне. В то время как исследования по проблемам оценки факторного влияния региональных особенностей на динамику сбережений населения и возможности их трансформации в инвестиции встречаются не так часто. В связи с этим изучение динамики сложившихся тенденций в распределении доходов на потребление и сбережение в домохозяйствах российских регионов представляет значительный интерес с точки зрения оценки возможностей привлечения ресурсов домашних хозяйств в региональное развитие.

Согласно кейнсианской теории, именно динамика потребления и сбережения объясняет колебательные процессы на уровне макроэкономики. Анализ изменений данной динамики позволяет понять механизмы влияния потребления на национальный доход, взаимодействия сбережения и инвестиции и их влияния на величину национального дохода [7]. Интерес к циклическим процессам в экономике, а также к факторам, обуславливающим эти процессы, особенно возрос в период мирового кризиса 2007–2010 гг. [4]. Трансляция этого методического подхода на региональный уровень показала интересные результаты. Например, в регионах Уральского федерального округа за 12 лет сложилась определенная цикличность в динамике реальных располагаемых денежных доходов, потребления и сбережения, в которой можно условно выделить три временных отрезка (рис. 1):

- 1) 2001–2008 гг. — докризисный период;
- 2) 2008–2010 гг. — период кризиса;
- 3) 2011–2012 гг. — посткризисный период.

В первом периоде наблюдаются свои микроциклы, особенно четко они видны в динамике сбережений и инвестиций. При этом цикл в ди-

намике сбережений «рост — снижение — рост» имеет трехлетний период. К примеру, в 2001 г. наблюдается спад, 2002 г. — максимальная точка спада в динамике сбережений, и далее наблюдается рост до 2003 г. и т. д. Такая неустойчивая динамика сбережений свидетельствует о высоком уровне чувствительности сберегательного поведения населения к изменениям в социально-экономическом состоянии региона.

В динамике инвестиций до 2005 г. наблюдается временной лаг влияния сбережений на инвестиции в один год. Так, если сбережения в 2003 г. выросли, то рост инвестиций произошел в 2004 г., тогда как сбережения в этом году снизились, а снижение инвестиций уже произошло в 2005 г. Однако для докризисного и посткризисного периодов эти два показателя находились в противофазе и никак друг с другом не коррелировали.

В целом докризисный период характеризуется опережающим ростом потребления по сравнению с ростом денежных располагаемых доходов и неустойчивой динамикой сбережения домохозяйств. Необходимо отметить, что микроциклы в динамике сбережений в докризисном периоде несколько противоречат постулатам экономической теории. Как известно, с ростом доходов повышается норма сбережений при общей тенденции к снижению потребления. Однако сложившиеся тенденции не находят своего подтверждения в УрФО. Так, в 2001 г. у домохозяйств наблюдалась тенденция к росту доходов и потребления, динамика которых находилась приблизительно на одном уровне, уровень сбережения значительно снизился. Такая нелогичность может объясняться инерционным запаздывающим влиянием финансового кризиса 1998–1999 гг. на сбережения у домохозяйств. Такая же тенденция наблюдалась и в посткризисный период 2011–2012 гг.

Как видно на рис. 1, кризисный период характеризовался одновременным снижением доходов и потребления при увеличении сбережения. По мере выхода экономики из кризиса домохозяйства стали меньше сберегать.

Определяющим фактором в сберегательном процессе выступает уровень располагаемых доходов населения. Однако помимо данного фактора существует еще много других, в большей или меньшей степени влияющих на мотивацию сберегательного поведения. К примеру, Л. Н. Майорова выделяет важность учета влияния на объемы сбережений населения России следующих факторов:

— неуверенность в эффективном функционировании финансовых институтов и инстру-

ментов, с помощью которых они осуществляют свою деятельность;

- изменения в налоговой, пенсионной политике, проводимой государством;
- ожидание ценовых изменений;
- развитие системы страхования и ее доступности для населения;
- неопределенность размеров получаемых доходов;
- уровень информированности об эффективном использовании сбережений;
- ожидаемая продолжительность жизни время выхода на пенсию [9, с. 98]

В современном контексте социально-экономического развития российского общества интерес представляет работа Г. М. Россинской, в которой автор через механизм взаимодействия «потребление — сбережение» выстраивает тесную взаимосвязь процесса усиления социальной стратификации в обществе с формированием двух автономных экономик — «богатых» и «бедных» [16]. Данное исследование показало, что в настоящее время в России окончательно сформировались две самостоятельные и малосвязанные между собой экономики — «богатых» и «бедных». У «богатых» сосредоточены значительные финансовые ресурсы, которые не вкладываются в развитие национальной экономики, тогда как «бедные» готовы принимать участие в социально-экономическом развитии страны, но не обладают для этого достаточным инвестиционным потенциалом.

В качестве важнейшего фактора, определяющего негативную динамику в соотношении «потребление — сбережение», в научной литературе выделяется значительная дифференциация доходов населения, рассматриваемая как следствие неэффективной социально-экономической политики, которое также играет негативную роль при формировании сберегательного потенциала. Так, негативное влияние данного фактора отмечается в исследовании В. Бобкова, в котором в качестве примера показан процесс расслоения общества в период кризиса 2008–2009 гг., во многом связанный с неэффективностью мер социальной политики, направленной на материальную поддержку низкодходных слоев населения. Как результат, и без того неблагоприятная ситуация по дифференциации общества относительно доходов населения была усугублена [1], что в целом отразилось как на потребительском поведении, так и на сберегательной составляющей доходов населения России.

Исследование наглядно демонстрирует увеличение почти в два раза прироста капитала

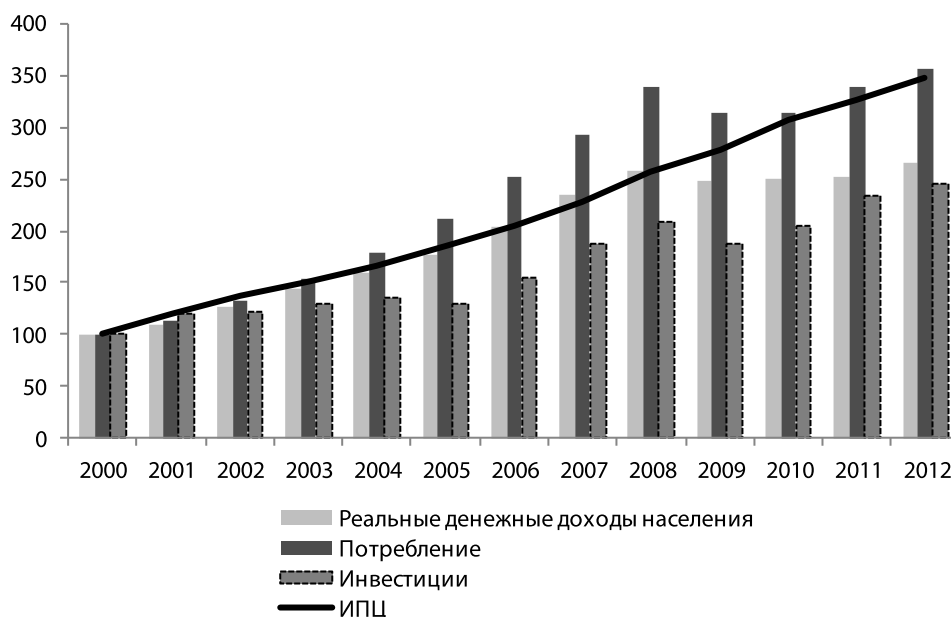

Рис. 2. Динамика накопленной инфляции, реальных доходов и расходов домохозяйств и инвестиций в УрФО за 2001–2012 гг. (%) [15]

богатых семей в России на фоне расширения семей, проживающих за чертой бедности. В работе автор отмечает усиление склонности к сбережению и снижение потребления в периоды кризисов. Причем о снижении качества жизни свидетельствует ухудшение ситуации с расходами в разных социальных слоях. Так, в ходе анализа расходов населения была отмечена сложившаяся неблагоприятная структура населения по уровню достатка, в которой почти 80 % домохозяйств принадлежат к низкодходным слоям населения.

В региональном аспекте социальная дифференциация населения по доходам проявляется еще более остро в силу значительных различий уровня заработной платы занятого населения, связанной с отраслевой специализацией территорий.

Например, среди субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, Курганская область, являясь агропромышленным регионом, характеризуется самой низкой покупательной способностью заработной платы (в 2012 г. — на уровне чуть более 3 ПМ). Сырьевые регионы, такие как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, имеют самый высокий уровень трудовых доходов (соответственно 6,6 и 6,5 ПМ) не только в федеральном округе, но и в целом по России, находясь в одном ряду с Москвой. В то же время, старопромышленные регионы федерального округа — Свердловская и Челябинская области, характеризуются невысокой покупательной способностью заработной платы, уровень которой немногим превышает три величины прожи-

точного минимума (соответственно 4,4 и 3,7 ПМ) [8, с. 148; 20, с. 12].

Проводимые исследования свидетельствуют также о том, что сберегательное поведение населения имеет значительную зависимость от жизненного цикла семьи. Как отмечает А. Я. Бурдяк, при движении по этапам жизненного цикла сбережения имеют U-образный характер. На ранних стадиях существования семьи их сберегательные практики расширяются. Около 32 % семей имеют возможность откладывать часть дохода, но с появлением детей в семье возможности делать текущие сбережения резко сужаются, и самая низкая доля сбережений наблюдается в семьях с детьми до пяти лет, а также в неполных семьях с детьми — 29 %. Чем старше дети, тем более увеличивается возможность семей не потреблять весь доход сразу, а часть денег откладывать [2].

В нашем случае определившаяся тенденция в сберегательном поведении домохозяйств может быть объяснена несколькими обстоятельствами. Первое, вероятно, связано с психологической мотивацией к сбережениям в условиях нестабильности, а также наличием дифференциации по доходам как внутри региона, так и между группами высокодоходных и малообеспеченных лиц населения. Второе может свидетельствовать об отложенном спросе, который сформировался на момент кризиса. По мере возрастания уверенности в будущем домохозяйства реализуют все ранее отложенное потребление. Об этом свидетельствует отрицательная динамика сбережений населения в посткризисный период.

Динамика накопленной инфляции в регионе, рассчитываемая по индексу потребительских цен (ИПЦ), практически весь период превышала темп роста денежных располагаемых доходов домохозяйств и инвестиций, находясь при этом практически на одном уровне с темпами роста потребления (рис. 2).

Причем в период кризиса значительно возросли темпы потребления, что также свидетельствует о том, что население в регионе пыталось трансформировать свои сбережения в движимое и недвижимое имущество, чтобы спасти накопленные ранее денежные ресурсы.

Очевидно, что по мере того, как ухудшалась экономическая обстановка в стране, не только падали доходы (с ростом в них доли потребления), но и происходило снижение инвестиционной активности. Следует отметить, что темпы роста инвестиций имели неустойчивую динамику в целом за 13 лет и мало зависели от доходов населения. Из чего следует предположить, что большая часть имеющихся денежных ресурсов у домохозяйств в регионе вращается вне банковского сектора. Это также свидетельствует об недостаточно четкой политике, на уровне как государственных институтов, так и региональных, по стимулированию привлечения сбережений домохозяйств.

Возвращаясь к анализу факторов, оказывающих негативное влияние на привлечение сбережений домохозяйств и развитие финансовой среды в регионе, следует отметить, что важным фактором в этом случае является высокий уровень накопленной инфляции. Об этом свидетельствует и наличие инфляционных ожиданий среди домохозяйств. Инфляционные ожидания являются важным фактором, во многом определяющим экономическое поведение домохозяйств. Этот фактор служит неким ориентиром, на основании которого домохозяйства принимают решение, какую часть дохода направлять на потребление, а какую на сбережения.

Высокий уровень инфляции и инфляционных ожиданий не только оказывает самое негативное влияние на доходы населения, но и способствует их значительной дифференциации, являясь тормозом для устойчивого долгосрочного развития экономики региона.

Отрицательное влияние инфляционных ожиданий на доходы домохозяйств подтверждает и эконометрический анализ функции потребления с включением в него ИПЦ. Как показал анализ, при увеличении располагаемых денежных доходов на 1 % домохозяйства увеличат свои текущие расходы на 1,38 %.

Достоверность полученных результатов подтверждается многочисленными тестами, в том числе *ADF-test*, которые были проделаны для приведения показателей к стационарному виду временных рядов.

Для подтверждения отсутствия корреляции между случайной ошибкой и зависимой переменной (статистика *DW*) в уравнение был введен фактор авторегрессионного преобразования остатков первого порядка (*AR1*), при этом полученный уровень значимости для каждого коэффициента составил 99–90 %, что свидетельствует о высоком уровне достоверности, и справедливости нулевой гипотезы (*P-value*).

$$\begin{aligned} \text{CONS} &= 46,5 + 1,38 \times \text{MON_ICN} - \\ &- 0,81 \times \text{CPI} - 0,72 \times \text{AR}(1) \quad (1) \\ P\text{-value} &(0.10) (0.00) (0.03) \\ R^2 &= 0,97 \quad DW = 2,38, \end{aligned}$$

где **CONS** — потребление; **MON_ICN** — располагаемые доходы населения с временным лагом в один год; **CPI** — индекс потребительских цен (ИПЦ); 46,5 — полученная константа — угол наклона автономного потребления, который свидетельствует, что в случае отсутствия дохода автономное потребление составит 46,5 %. Автономное потребление будет определяться как доля, сформированная у домохозяйств исходя из предыдущего дохода.

Полученный довольно высокий уровень чувствительности домохозяйств к потреблению при росте доходов может свидетельствовать о накопленном покупательном спросе населения, который не может быть реализован вследствие негативного воздействия внешних и внутренних факторов на экономику региона.

Так, по результатам эконометрического анализа, при увеличении инфляции в регионе на 1 %, домохозяйства снизят уровень своего потребления на 0,83 %. Это достаточно высокая степень чувствительности, которая свидетельствует о более сложном механизме влияния инфляции на потребление, чем простая обратная связь. В этом случае фактором, влияющим на уровень потребления домохозяйств, может быть отложенная инфляция, свидетельствующая о существующем в регионе значительном инфляционном потенциале.

О наличии инфляционного потенциала свидетельствует и существенный разрыв в значениях ИПЦ и дефлятора ВРП. Отметим, что в экономически развитых странах такой проблемы не наблюдается. К примеру, в Германии и США разница между данными индексами колеблется около 1 п. п. В развивающихся стра-

Таблица
Индексы инфляции в развитых и развивающихся странах за 2009–2012 гг.

Индекс	2009	2010	2011	2012
<i>Германия</i>				
ИПЦ, %	0,3	1,1	2,1	2
Дефлятор ВВП, %	1,2	1	1,2	1,5
Разница, п.п.	-0,9	0,1	0,9	0,5
<i>США</i>				
ИПЦ, %	-0,4	1,6	3,2	2,1
Дефлятор ВВП, %	0,8	1,2	2	1,7
Разница, п. п.	-1,2	0,4	1,2	0,4
<i>Беларусь</i>				
ИПЦ, %	12,9	7,7	53,2	59,2
Дефлятор ВВП, %	5,7	11,1	71,3	74,9
Разница, п.п.	7,2	-3,4	-18,1	-15,7
<i>Россия</i>				
ИПЦ, %	8,8	8,8	6,1	6,6
Дефлятор ВВП, %	2,7	10,3	15,4	8,0
Разница, п.п.	6,1	1,5	-9,3	-2,0
<i>УрФО</i>				
ИПЦ, %	8,8	9,8	6,4	6,4
Дефлятор ВВП, %	-1,6	9,9	17,1	12,7
Разница, п.п.	10,4	-0,1	-10,7	-6,3

Источник: составлено по [5, 15].

нах, таких как Беларусь, этот разрыв составляет уже 20–15 п. п. (табл.) [5].

В целом для России и для УрФО также наблюдается значительный разрыв в значениях данных показателей, имеющий с 2010 г. тенденцию к увеличению (табл., рис. 3). В этом случае на механизм взаимосвязи «потребление — сбережение» большее влияние оказывают инфляционные ожидания.

Существенная разница в индексах инфляции объясняется различиями в доходах между субъектами РФ, входящими в УрФО, которые не

учитывает методика сбора первичной информации [18]. Также это может свидетельствовать и о том, что индекс потребительских цен (ИПЦ), на который ориентируются домохозяйства, не отражает реальный уровень инфляции в регионе.

Как показал эконометрический анализ, на формирование сбережений в регионах Уральского федерального округа не оказывают влияния такие факторы, как инфляция и депозитная ставка. Отсутствие значимой связи сбережений с динамикой процентной ставки по депозитам может свидетельствовать об отсутствии значимого интереса населения к банковской системе как финансовому институту, позволяющему не только сохранять сбережения в условиях инфляции, но и их накапливать. К примеру, по итогам 2012 г. средний процент в банковских учреждениях России составлял 9,1 % [13], максимальная ставка зафиксирована на уровне 12 % , в то время как уровень инфляции по дефлятору ВВП в 2012 г. для УрФО составил 12,7 % (табл.).

Как показывают эти данные, реальный доход по вкладам для населения оказался отрицательным. Даже в случае максимальной ставки по депозитам в 12 % доход по вкладу в 2012 г. в среднем для регионов Уральского федерального округа составлял 0,7 %.

Неэффективная государственная политика привлечения сбережений населения в экономику страны подтверждается тем фактом, что до настоящего времени население не склонно доверять банковской сфере свои сбережения. С. Семенов объясняет данный факт подрывом доверия со стороны населения к государственным реформам и обесценению накопленных денежных средств в начале 90-х гг. [17]. По его мнению, именно нерешенность до настоящего

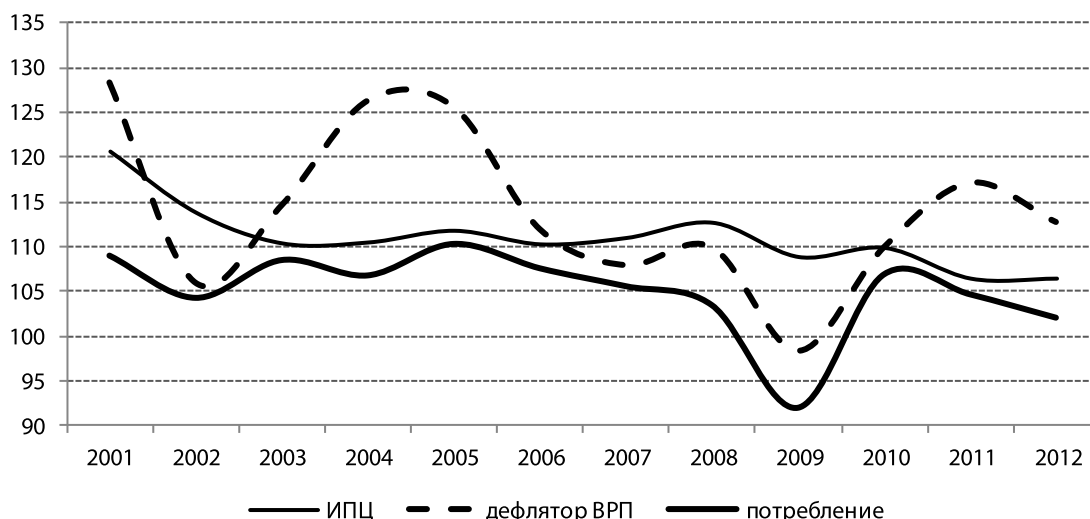

Рис. 3. Показатели инфляции и уровень потребления в УрФО за 2000–2012 гг. (сост. по [15])

времени проблемы обесцененных накоплений в ходе проводившихся денежных реформ сдерживает сегодня приток денежных сбережений населения в сферу инвестиций. Отсутствие доверия приводит к дефициту надежных сберегательных инструментов в экономике, в результате чего население, являясь активным сберегателем, не доверяет отечественным финансовым институтам, запуская при этом нежелательные для экономики механизмы.

Для регионов Уральского федерального округа характерно влияние реальных располагаемых денежных доходов населения на динамику сбережений, что согласуется с концепцией А. Маршалла [11], который использовал понятие потребительского излишка как обозначение одного из основных факторов инвестиционных стимулов в экономике.

Так, для регионов УрФО располагаемые денежные доходы домохозяйств являются основным фактором, определяющим динамику сбережений, а его объясняющая способность составляет 44 % (уравнение 2). Необходимо отметить, что данная модель учитывает влияние сезонного фактора (МА), который в целом улучшил показатель денежных доходов домохозяйств.

$$\text{SAV} = 56,2 + 0,42 \times \text{MON_ICN} - 0,89 \times \text{MA}(1) \quad (2)$$

P-value (0,00) (0,09) (0,00)

$R^2 = 0,44$ $DW = 1,64$,

где **SAV** — сбережения; **MON_ICN** — располагаемые денежные доходы домохозяйств; **MA(1)** — среднескользящая первого порядка. В уравнении использованы реальные темпы роста показателей; 56,2 — реальное автономное потребление, которое будет складываться исходя из того, что домохозяйства будут сберегать 42 % от своих доходов.

Коэффициент эластичности, полученный для функции сбережений по текущим доходам, составил 0,42, что свидетельствует о том, что при отсутствии потребления домохозяйства готовы направлять на сбережения от своих доходов 42 %. Это достаточно высокая норма сбережений.

Однако анализ функции абсолютного дохода представил современную ситуацию с нормой сбережений несколько иначе. В среднем по Уральскому федеральному округу домохозяйства основную часть (до 75 %) своего дохода направляют на текущее потребление, тогда как на сбережения идет лишь 19 % дохода (уравнение 3). Как видно из полученного эконометрического анализа функции абсолютного дохода,

6 % из величины доходов приходится на автономное потребление.

$$\text{MON_ICN} = 5,93 + 0,75 \times \text{CONS} + 0,19 \times \text{SAV} \quad (3)$$

P-value (0,55) (0,00) (0,04)

$R^2 = 0,92$ $DW = 2,02$,

где **Mon_Icn** — реальные располагаемые денежные доходы домохозяйств; **CONS** — потребление; **SAV** — сбережения. В уравнении использованы реальные темпы роста показателей.

Анализ функций абсолютного дохода для УрФО выявил следующее соотношение: при распределении дохода на потребление и сбережение население распределяет свой доход в пропорции 75 к 19. При этом автономное потребление для уральского региона складывается в 6 %. В этом случае получается, что основная часть дохода — 81 %, расходуется на текущее потребление, тогда как сберегается лишь 19 %. Данный показатель является более низким, чем в целом по России. Об этом свидетельствуют официальные данные Росстата, по которым норма сбережений у населения в настоящий момент в целом по России колеблется в 28–25 % [6].

Вместе с тем, норма сбережений в 19 % является высоким показателем для развитых стран. Однако в УрФО наличие высокой нормы сбережений почти никак не отражается на росте привлечения их в инвестиционную сферу. Среди основных причин низкого инвестиционного потенциала сбережений населения можно отметить невысокий уровень доходов, неразвитость финансовых рынков и отсутствие стимулов, что подрывает доверие населения к банковской системе в экономике. Все эти факторы действуют на общем фоне инфляционных ожиданий.

Как свидетельствует мировой опыт, трансформация сбережений в инвестиции проявляется только с укреплением национальной финансовой системы. Высокая норма сбережений начинает работать на экономику страны лишь тогда, когда улучшается качество финансовых институтов в экономике, которое повышает доверие населения к мерам макроэкономической политики. В противном случае высокий уровень сбережений является индикатором отсутствия уверенности в завтрашнем дне [19]. Это позволяет сделать вывод о том, что развитие национальной экономики более стабильно и успешно идет в условиях аккумуляции внутренних инвестиций в стране, нежели за счет притока иностранного капитала.

Успешная инвестиционная модель может быть построена только на основе соблюдения нескольких важных принципов: доверие населения к государственным институтам, эффективная социальная политика, надежная банковско-финансовая система. А этого возможно достичь только при создании тесной взаимос-

вязи социальной и макроэкономической политики, что и должно стать основой для создания не только устойчивого механизма «потребление — сбережение» но и «сбережения — инвестиции» как важнейших составляющих экономического роста любой экономики.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-П-7-1001.

Список источников

1. Бобков Б. Влияние кризиса на уровень и качество жизни // Экономист — 2010. — №4. — С. 66-78.
2. Бурдяк А. Я. Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла // Финансовый журнал. — 2014. — №1. — С. 129-140.
3. Валеева Р. З. Выполнение функции денег как средства накопления и инфляционные процессы, причинно-следственные связи // Финансы и кредит — 2013. — №546. — С. 78-83.
4. Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. — 2010. — №10. — С. 31-55.
5. Данные всемирного банка. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG/countries> (дата обращения: 24.03.2014).
6. Ефимова Р., Аббас Н. Ю. Инвестиционный потенциал населения России. Основные аспекты статистического изучения // Вопросы статистики. — 2011. — №1. — С. 21-30.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с.
8. Козлова О. А. Социальные приоритеты регионального развития // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Кн. 1; кол. монография, приуроченная к 20-летию кафедры региональной и муниципальной экономики / [отв. за вып. В. П. Иваницкий, Е. П. Дятел; науч. ред. Е. Г. Анимидца]; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013. — С. 144-154.
9. Майорова Л. Н. Факторы и мотивы формирования сбережений: социально-экономический аспект // Труд и социальные отношения. — 2011. — № 4. — С. 97-101.
10. Маганов В. Мировые финансовые кризисы как следствие пренебрежения сберегательной функцией денег // Финансы и кредит. — 2013. - №542. — С. 43-48.
11. Маршалл А. Принципы экономической науки. [Электронный ресурс]. URL: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshall/> (дата обращения: 20.06.2014).
12. Методика оценки финансового потенциала населения и возможности использования накоплений в инвестиционных целях / Информационно-аналитические материалы. — М.: ЦБРФ НИИ, 1996. — Вып. 10. — 67с.
13. Обзор финансового рынка. Годовой обзор за 2012 г. / Департамент исследований и информации Центрального банка России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/fin_r/fin_mark_2012.pdf (дата обращения: 20.06.2014).
14. Погосов И. Потенциал накопления и проблема модернизации // Экономист — 2011. — №3. — С 3-15.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.
16. Россинская Г. М. Потребительское поведение домохозяйств в условиях трансформации российского общества // Вестник УГАТУ — 2009 — №12. — С. 22-36.
17. Семенов С. Защита сбережений как антикризисный фактор // Экономист. — 2010. — №6. — С. 70-73.
18. Смольякова Т. Кудрявая инфляция. Что влияет на индекс потребительских цен // Российская газета. Центральный выпуск — № 5230 (151) (12 июля 2010 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2010/07/12/ceny.html> (дата обращения: 15.06.2014).
19. Чепель С. В. Как повысить эффективность экономической политики. Эмпирический анализ роли государственных институтов // Вопросы экономики. — 2009. — №7. — С. 62-66.
20. Shelomentsev A., Kozlova O. Evaluation of regional processes in employment / Russia and Slovakia: modern tendencies of demographic and socioeconomic processes. Ed.by ac.of RAS A. I. Tatarkin; Urals branch of Russian academi of sience; Institute of economics, 2009. — P. 11-24.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна (Екатеринбург, Россия) — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: olga137@mail.ru).

Тухтарова Евгения Хасановна (Екатеринбург, Россия) — ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

O. A. Kozlova, Y. K. Tukhtarova

Factor analysis of the relationship «consumption-saving» in the Ural federal district

In the terms of investment resources shortage in the modern Russian economy, the special practical importance is gained the issues of socio-economic nature analysis of the population savings as one of the major sources of internal investments and an influence assessment of external and internal factors on the processes of accumulation and consumption funds created by the population. The

article analyzes influence of environment factors on the interrelation mechanism "consumption-savings" on the example of Ural federal district during 2001–2012. The considerable attention is paid to the analysis of influence of an inflationary component in the economy of the region and interest rate for deposits on dynamics of savings norm of the population, which acts as an indicator of the standard of living and a source of accumulation of investment potential of the population. The authors conclude that the factors having impact on redistribution of the monetary income of the population on consumption and savings in favor of savings depend not only on socio-economic development of society, inflationary expectations of the population, but also on conditions of accumulation of savings of the population by the banking sphere.

Keywords: consumption, savings, investment, impossible income, cyclical economic development, inflation

The work is done with the support of the Basic Research Program of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, project No 12-P-7-1001.

References

1. Bobkov, B. (2010). Vliyaniye krizisa na uroven i kachestvo zhizni [The impact of the crisis on the level and quality of life]. *Ekonomist [Economist]*, 4, 66-78.
2. Burdyak, A. (2014). Denezhnye sberezheniya domashnikh khozyaystv na raznykh yetapakh zhiznennogo cikla [Financial savings of households at different stages of the life cycle]. *Finansovyy zhurnal [Financial magazine]*, 1, 129-140.
3. Valeyeva, R. Z. (2013). Vypolneniye funktsii deneg, kak sredstva nakopleniya i inflyatsionnye processy, prichinno — sledstvennyye svyazi [The function of money as a means of hoarding and inflationary processes, causality]. *Finansy i kredit [Finance and credit]*, 546, 78-83.
4. Grigor, L. & Ivashhenko, A. (2010) Teoriya cikla pod udarom krizisa [Theory cycle under the impact of the crisis]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economy]*, 10, 31-55.
5. World Bank data. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (date of access: 24.04.2014).
6. Efimova, R. & Abbas, N. Y. (2011). Investitsionnyy potentsial naseleniya Rossii: Osnovnye aspekty statisticheskogo izucheniya [Investment potential of the Russian population: Main aspects of a statistical study]. *Voprosy statistiki [Problems of statistics]*, 1, 21-30.
7. Keynes, J. M. (1999). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The general theory of employment, interest and money]*. Moscow, "Gelios ARV" Publ, 352.
8. Kozlova, O. A. (2013). Socialnye priority regionalnogo razvitiya [Social priorities of regional development] *Modernizatsionno-innovatsionnye protsessy v socialno-ekonomicheskom razviti regionov i gorodov. Kniga 1: kol. monografiya, priurochennaya k 20-letiyu kafedry regionalnoi i municipalnoi ekonomiki [Modernization and innovative processes in socio-economic development of regions and the cities. the monograph dated for the 20 anniversary of chair of regional and municipal economy]*. M-vo obrazovaniya i nauki RF, Ural. gos. ekon. un-t. [The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural State Economic University]–Ekaterinburg: Ural State Economic University Publ, 144-154.
9. Mayorova, L. N. (2011). Faktory i motivy formirovaniya sberezheniy: socialno-yekonomicheskiy aspekt [Factors and motives savings: The Socio-Economic Aspect]. *Trud i social nye otnosheniya [Labor and social relations]*, 4, 97-101.
10. Maganov, B. (2013). Mirovye finansovye krizisy kak sledstvie prenebrezheniya sberegatelnoy funktsiyey deneg [Global financial crises as a result of neglect savings function of money]. *Finansy i kredit [Finance and credit]*, 542, 43-48.
11. Marshal, A. (1890-1891) Printsipy ekonomicheskoy nauki [Principles of Economics]. Available at: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshal/> (date of access: 20.06.2014).
12. The Institute of Economic of the RAS (1996). Metodika otsenki finansovogo potentsiala naseleniya i vozmozhnosti ispolzovaniya nakopleniy v investitsionnyh tselyah [Methods of assessment of the financial capacity of the population and use of savings for investment purposes]. *Informatsionno-analiticheskie materialy [Information and analytical materials]*, 110.
13. Departament issledovaniy i informatsii Tsentralnogo banka Rossii. Obzor finansovogo rynka. [Annual review of research Department the Central Bank of Russia]. (2012), 71.
14. Pogosov, I. (2011) Potentsial nakopleniya i problema modernizatsii [Potential for accumulation and the problem of modernization]. *Ekonomist [Economist]*, 3, 3-15.
15. *Statistics Regions of Russia socio-economic indicators*. (2013). Rosstat, Publ, 990.
16. ossinskaya, G. M. (2009). Potrebitelskoe povedenie domokhozyaystv v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva [Consumer behaviour of households in the conditions of transformation of the Russian society]. *Vestnik UGATU [Bulletin of USATU]*, 12, 22-36.
17. Semyonov, S. (2010). Zashchita sberezheniy kak antikrizisnyy faktor [Protection of savings as a crisis factor]. *Ekonomist [Economist]*, 6, 70-73.
18. Smolyakova, T.(2010). Kudryavaya inflyatsiya. Chto vliyaet na indeks potrebitelskiy tsen [Curly inflation. What influences the consumer price index]. *Centralnyy vypusk Rossiyskaya gazeta [Central issue Russian newspaper]*. Available at: <http://www.rg.ru/2010/07/12/ceny.html> (date of access: 03.03.2014).
19. Chepel, S. V. (2009). Kak povysit effektivnost ekonomicheskoy politiki: empiricheskiy analiz roli gosudarstvennykh institutov [How to increase efficiency of economic policy: an empirical analysis of government institutions role]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economics]*, 7, 62-66.
20. Shelomentsev, A. & Kozlova, O. (2009). *Evaluation of regional processes in employment. Russia and Slovakia: modern tendencies of demographic and socioeconomic processes*. Ed.by ac.of RAS A. I. Tatarkin; Urals Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of economics, 11-24.

Information about the authors

Kozlova Olga Anatolyevna (Yekaterinburg, Russia) — Doctor of Economics, Professor, Head of the Centre for Research of Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: olga137@mail.ru).

Tukhtarova Yevgeniya Khasanovna (Yekaterinburg, Russia) — Leading Economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: tyevgeniya@yandex.ru)